

Проф. Дов Левин

Эстонские евреи (1941-1945)

(По материалам свидетельских показаний оставшихся в живых)

Переведено из сборника «Yad Vashem Studies» Мариной Астановской.
Перепечатано из газеты «Хашахар» N5 1992, N6 1992, N1 1993, N3 1993

Судьба эстонского еврейства в Катастрофе отличается от судеб других врейских общин Прибалтики. В то время, как десятки тысяч евреев из различных стран Европы были узниками концлагерей и истреблялись на территории Эстонии, большинство местных эстонских евреев нашли убежище в СССР, многие из них участвовали в борьбе против нацистов - как в рядах Советской Армии, так и в партизанских отрядах.

1. ИСТОРИЯ

В период между двумя мировыми войнами в Эстонии проживало примерно 4500 евреев, что составляло 0.4% от общего населения. По своим историческим и культурным традициям эстонское еврейство подразделялось на три большие части: потомки кантонистов и т.н. «николаевских солдат» - выходцев из России; евреи, прибывшие из Курляндии (Западная Литва), принесшие с собой германскую культуру; выходцы из Литвы и восточной Латвии (Латгалии), сохранившие истинно еврейские корни.

В Таллинне и Тарту проживало примерно 3200 евреев; около 900 человек расселились в пяти провинциальных городах и около 400 - в маленьких городках и деревнях. По роду деятельности еврейское население Эстонии делилось следующим образом: 30.4% были заняты торговлей, 24% работали в сфере обслуживания, 14.8% составляли ремесленники, 14% были чернорабочими, 9.8% составляли люди со специальностью, 6.8% владели имуществом и предприятиями и 0.6% были религиозными деятелями.

Большинство евреев были финансово независимы и лишь несколько находились на дотации. Государство не занималось трудоустройством евреев; в эстонской армии практически не было офицеров-евреев. Несмотря на рост национализма и антисемитизма среди населения и правительственных кругов в конце 30-х годов, евреи, как и другие национальные меньшинства Эстонии, пользовались полной культурной автономией с 1926 г. до тех пор, пока Эстония не потеряла свою независимость в 1940 г.

Эстонское еврейство играло активную роль в еврейских делах и участвовало в бойкоте нацистской Германии, в возрождении сионизма и т.д. Противоречия и конфликты внутри мирового сионистского движения находили свое отражение и в эстонской общине, большинство членов которой поддерживали сионизм.

По причине отсутствия местной еврейской печати евреи Эстонии читали «Эстонское приложение» к литовской еврейской еженедельной газете, а также сионистскую «Идише штайм» и газету на идиш «Фольксблат».

В конце 30-х годов еврейская община Эстонии была полна дурных предчувствий. Причиной тому явились рост активности эстонских националистов, которых поддерживала нацистская Германия. Поскольку путей для эмиграции практически не существовало, исход евреев из Эстонии не состоялся. В 1940г., после аннексии

балтийских республик Советским Союзом, связи эстонских евреев с общинами соседних государств были практически полностью прерваны.

Процесс тотальной советизации, проводившийся в Эстонии с июня 1940г. вплоть до вторжения немецких фашистов, окончательно уничтожил автономию как евреев, так и других национальных меньшинств. С другой стороны, евреи - представители рабочего класса и те, кто отождествлял себя с социализмом, получили возможность работать в правительственных органах, милиции и армии.

Если национализм приносил вред лишь небольшой части еврейской общины, то массовые депортации, проводившиеся советскими органами в середине июня 1941г., вызвали настоящий шок. В результате этих акций, выполненных непосредственно перед нападением фашистской Германии на Советский Союз, десятки тысяч жителей Эстонии были отправлены на северный Урал и в другие районы России. Среди депортированных были 500 евреев - мужчин, женщин и детей - бывших владельцев фабрик, активистов сионистского движения и других, квалифицированных как «опасные элементы».

2. ЭВАКУАЦИЯ С ПОМОЩЬЮ АРМИИ

Фашистская Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941г., в Эстонию войска вермахта вторглись 4 июля. Войска Красной Армии и соединения добровольцев были разбиты после нескольких дней боев и несмотря на контратаки, предпринятые Красной Армией в июле, немецкие войска продолжали продвигаться к северу, получая довольно ощутимую помощь от эстонских националистов, которые находились в подполье во времена советского режима. Бои в Эстонии продолжались почти два месяца и закончились эвакуацией Таллинна, прорывавшего блокаду три недели, морским путем. В результате военных действий советские вооруженные силы сконцентрировались на выполнении двух задач: ведении постоянных арьергардных боев с наспех организованными местными импровизированными военными отрядами и эвакуации людей и стратегических запасов на советскую территорию. Еврейское население принимало активное участие в обоих видах деятельности, и многие евреи остались в живых лишь благодаря этим операциям.

В соответствии с принятым Советским правительством 24 июня постановлением, на территории Эстонии были организованы 25 специальных отрядов - истребительных батальонов, которые вели партизанскую борьбу. Эти батальоны находились под юрисдикцией органов безопасности и состояли из милицейских служащих, работников правительственных организаций, членов компартии и комсомольцев, профсоюзных деятелей и множества добровольцев. В среднем каждый батальон состоял из 200 человек, вооруженных легким оружием. Прикрывая отход регулярных войск и обеспечивая эвакуацию населения, эти подразделения нередко вступали в бой с эстонскими националистами и передовыми частями немецкой армии, в результате чего несли огромные потери. Общая численность этих подразделений составляла примерно 9000 человек, в том числе 120 евреев (около 1,1%, что в процентном выражении в три раза больше, чем количество евреев среди населения Эстонии). [9000 vkljuchat evreev iz SSSR, ne tolko estonskih evreev kotorih do voini bilo 0.4%. Mark Rybak]

Солдаты-евреи были выходцами из различных слоев общества, но все они имели особые причины для борьбы с фашизмом. Например, милиционер Гершон Цимбалов, котрый служил также в рядах Таллиннского батальона, был из семьи приверженцев коммунистической партии. Среди тех, кто пал в боях, были Иосеф Мясников, лидер Сионистского движения Нетцах в Эстонии, несколько ветеранов-коммунистов (например, участники гражданской войны в Испании Арон Тауб и

Виктор Фейгин), которые занимали довольно высокие посты в органах безопасности во времена советского режима в Эстонии. Особенно достоин внимания тот факт, что целые семьи, включая женщин, уходили добровольцами на фронт: женщины семьи Патц; Яков Песах и его сестра Зельда; три брата Смоленский - Абрахам (Ами) и Моше, погибшие в арьергардных боях в Эстонии в 1941г., и Реувен, служивший лейтенантом в рядах Эстонского корпуса Красной Армии и погибший при освобождении о-ва Сааремаа в конце 1944г. Большинство из добровольцев погибли в боях или умерли от ран и были похоронены в братских могилах неподалеку от мест проведения боев. Некоторые сведения о проявленном ими мужестве можно найти в эстонской историографии советского периода, хотя там в основном подчеркиваются подвиги эстонцев.

Десятки евреев сражались в рядах 22-го Эстонского территориального корпуса. Еврейские солдаты частенько страдали от антисемитских настроений среди солдат корпуса и ситуация иногда ухудшалась до такой степени, что они ненавидели своих командиров не меньше, чем врагов. Исаак Каган был ранен при арьергардных боях в Эстонии, попал в госпиталь и был выдан немцам его же эстонским сотоварищем по борьбе, а те казнили его. Аналогичная участь постигла 19-летнего Эльханана Хеймана из Тарту и других еврейских солдат из вспомогательных частей, которые вместе со своим командиром дезертировали и присоединились к немцам.

28 июня 1941 г., уже через неделю после нападения Германии на Россию, Советские власти в Эстонии решили провести «эвакуацию стратегических запасов и населения». Была создана специальная организация, названная «Республиканский комитет по эвакуации», возглавляемая А.Раадиком, Народным комиссаром по делам кооперативной экономики. 5 июля под давлением масс беженцев, скопившихся на юге, следовавших за Красной Армией до бывшей границы Советского Союза (в районе города Псков), Эстонии, Комитет по эвакуации объявил, что в первую очередь подлежат эвакуации специалисты, инженеры и технический персонал заводов, выпускающих стратегически и экономически необходимую продукцию. Во вторую очередь будут эвакуированы женщины, дети, инвалиды и мужчины старше 50 лет. Фактически преимущество также получали семьи высокопоставленных партийных и советских деятелей. Для финансирования эвакуации был учрежден специальный фонд. Пути и транспортные средства для эвакуации разрабатывало и предоставляло командование 8-ой армии, базирующейся в Эстонии. Армия имела приоритет в эвакуации запасов продовольствия, материалов и средств транспорта, что ограничивало возможности эвакуации гражданского населения. Кроме того, из-за стремительного продвижения войск вермахта эвакуация обычным путем некоторых населенных пунктов юга Эстонии была невозможна. До окружения Таллинна, которое произошло 8 августа, эвакуация шла по суше - через Нарву в направлении Куйбышева, Ульяновска, Сызрани и Ленинграда, или через Тарту, Чудское озеро в направлении Пскова, а после окружения Таллинна и падения Нарвы эвакуация шла морским путем. Некоторые корабли были потоплены немцами, но эвакуация морем продолжалась до полной оккупации Таллинна.

По вышеуказанным причинам эвакуация даже тех частей населения, которые имели приоритет, была весьма ограничена; очень трудно было получить эвакуационное разрешение, необходимое для прохода на корабли, направляющиеся в Кронштадт или Ленинград. По данным из советских источников, было эвакуировано 65 тыс. жителей Эстонии, половина из которых проживала в Таллинне, городе,

дольше других противостоявшем немцам. Весьма успешно проходила эвакуация из Вильянди и Тарту, где проживало довольно большое количество евреев. Некоторые евреи оставались в Эстонии по личным мотивам или по идеологическим убеждениям, другие - из-за отсутствия возможности уехать. Среди тех, кто отказались от эвакуации, были владельцы частной собственности, сионисты, члены Бунда и другие, т.е. те, у кого были причины опасаться советских законов. В некоторых семьях проходили очень бурные обсуждения вопроса - уезжать или нет, вносящие раскол в эти семьи. Те, кто предпочитал остаться, верили, что немцы не причинят им вреда. В основном это были люди, пережившие немецкую оккупацию во время I мировой войны или те, кто был воспитан на немецкой культуре, а также противники советского режима.

С другой стороны, были случаи, когда молодые люди использовали любые возможности, чтобы убедить родителей уехать вместе с ними. Один тартуский еврей, сын портного-инвалида, рассказывал, что его отец «был уверен, что немцы его не тронут», однако согласился на отъезд, дабы сохранить семью в целости. «Мы уезжали все вместе... Упаковали вещи, сколько смогли, погрузили на грузовик и поехали на железнодорожную станцию, где ждали поезда два дня. На третий день нам дали вагон, прицепленный к военному составу, и мы поехали. Это было накануне того дня, когда немцы вошли в Тарту, и всего за несколько часов до взрыва моста между Печорами и Эстонией».

Власти помогали эвакуироваться лишь тем, кто имел преимущества, т.е. партийным и советским работникам, а евреи были брошены на произвол судьбы. Вспоминает младший сын семьи Гиницских:

«Никто точно не знал, когда придут поезда... Однажды утром мой двоюродный брат сообщил, что на станции стоит поезд, который уйдет через несколько часов. Я помчался домой, чтобы поторопить родителей. Мы уже упаковали к тому времени вещи в несколько чемоданов. От нашего дома до станции было довольно далеко, я побежал искать такси, но найти машину было невозможно. Я остановил автобус и спросил водителя, не хочет ли он заработать. Он согласился. Мы подъехали к дому, взяли моих родителей, вещи и отправились на станцию. Поезд еще был там и мы погрузились на него...».

Тартуская семья Друй насчитывала 15 человек. Они получили разрешение эвакуироваться в Россию через Чудское озеро и по пути попали под страшную бомбежку. Вспоминает одна из дочерей: «Все было в огне, мы не знали, куда бежать. Отец, бывший солдат, прошедший одну войну, был одет в два пальто сразу, одно на другом, а поверх пальто на нем еще была короткая шуба (и это все летом, в июне!)... У нас было немного денег, сбереженных за прежние годы. Отец дал детям по несколько сотен рублей на случай, если мы потеряемся, и мы спрятали деньги в пояса. Мы сели в поезд и вдруг оказалось, что он идет на фронт. Пришлось нам выгружаться и ждать другого поезда...»

Бывший торговец Кофкин из Пярну был вынужден срочно уехать из города по торговым делам перед самым началом войны. Его жена осталась одна с тремя маленькими детьми, одному из которых было шесть недель отроду. Она ходатайствовала о получении разрешения на эвакуацию, но получала отказ за отказом. Однако она не сдавалась и продолжала ходить по инстанциям. В конце концов разрешение было получено и она смогла уехать из города с самым последним поездом. Ее муж был призван в ряды Эстонского корпуса и сражался всю войну.

Лишь в одном городе, Вильянди, власти способствовали эмиграции евреев. Ветеран Коммунистической партии Альфрида Пик лично ходила по домам евреев и уговаривала их уехать, и в результате ее стараний половина евреев города, включая стариков, которые до этого не хотели уезжать, эмигрировала в Россию.

Хотя эвакуацией солдат занимались военные власти, случались неудачи и в этой области. Например, стрелок из Пярну Фурман, призванный накануне войны на срочную службу, остался в Эстонии и был убит немцами. Его семья эвакуировалась, а он в последний момент получил приказ остаться.

Таллиннец Самуил Рыбак служил шофером у одного из членов эстонского правительства. Министр пытался уехать в Россию, но получил указание от властей вернуться в Таллинн. Однако в один из последних дней эвакуации он сел на корабль, направлявшийся в Россию, оставив своего шофера в городе. Рыбак вспоминает: «Я остался один с машиной и совершенно не знал, что делать... Я хотел поехать домой, т.к. родители мои оставались в Таллинне, но тут мне встретились русские матросы, которые сказали, что немцы уже почти в городе. Мне удалось сесть на маленький военный корабль - что-то типа минного тральщика, и на нем я прибыл в Кронштадт».

Глава немецкой полиции безопасности в Остландии (так называлась территория Балтийских государств и Белоруссии во время оккупации) отмечал в своем докладе от 12 октября, что почти половина из 4.5 тыс. евреев, проживавших на территории Эстонии перед войной, уехали из страны накануне войны «благодаря действиям советских органов». По его данным в Эстонии к моменту ее захвата должно было остаться около 2 тыс. евреев. Однако он не учел, что сотни евреев были высланы из Эстонии перед началом боев.

Большинство евреев из тех, кто хотел уехать из Эстонии, смогли это сделать вовремя, за редким исключением. Всего около 3.5 тыс. евреев уехали самостоятельно или были эвакуированы и депортированы из Эстонии, и около тысячи остались под немецкой оккупацией.

3 ССЫЛКА В УБЕЖИЩЕ

Всего около 65 тыс. жителей Эстонии - эвакуированных, остатков эстонских военных отрядов, принимавших участие в арьергардных боях, несколько десятков тысяч депортированных - достигли незанятых немцами советских территорий. Эстонские учреждения в Советской России - ЦК КП и в особенности правительство, располагавшееся в Челябинске - установили контакты с беженцами через специальных представителей в местах, где были сконцентрированы массы бывших эстонских жителей – Челябинске, Ульяновске, Куйбышеве, Свердловске, Кирове, Горьком, Оренбурге, в Татарии, Чувашии, Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Однако эти представители не имели дел с депортированными и заключенными, считая их «враждебными элементами».

Как и другие депортированные, сосланные евреи классифицировались как «социально опасные элементы». Большинство из них было сослано вглубь

России еще до 22 июня 1941г. Вот свидетельство одного из таких евреев, проживавшего в Тарту:

«В начале они привезли нас в г.Старобельск на Украине. Весть о начале войны застала нас на пути в этот город. Был получен приказ отправить нас в Сибирь. Туда мы прибыли после испытаний, которые не поддаются описанию. Не было воды и еды. Если они давали нам селедку, то не давали воды... Селедку мы ели с кусочком хлеба, а воды нам давали один стакан в день... И так продолжалось день ото дня».

Группа репрессированных достигла Свердловска и была помещена в трудовой лагерь «Северо-Уральск». Они имели статус заключенных, «ЗК». Работали они там на различных неквалифицированных работах, например, на рубке деревьев, на укладывании досок в штабеля. Рабочая норма на одного человека в день была чрезвычайно высока. За ее выполнение каждый получал 600 грамм хлеба в день и немного горячей воды. Многие заключенные умирали в результате несчастных случаев, болезней, недоедания.

В течении первого или второго года практически все заключенные подвергались допросам. Показания, часто фальсифицированные, затем зачитывались заключенному, которого вынуждали подписать их. Большинство узников лагерей имели срок в пять лет, включая время «суда». Однако, были случаи когда осужденных приговаривали к 10 годам заключения или даже смертной казни – такая участь постигла Пинхаса Каца, лидера Сионистского движения Эстонии.

Жены, дети и другие родственники заключенных жили отдельно и далеко, частенько они даже ничего не знали о судьбе своих родных. Обычно их ссылали в Кировскую область, в Нарымский район Сибири (на реки Оби) или в Новосибирск. Этот тип депортации назывался ссылкой. По началу депортированные не имели удостоверений личности и должны были являться каждую неделю, а затем раз в две недели, в местные органы НКВД. Их экономическое положение несколько улучшалось, когда статус менялся на статус «вольного поселенца». С этого момента они получали разрешение перемещаться внутри относительно большого района и устраиваться на любую работу. Однако они давали подписку о невыезде из этого района в течении 25 лет, нарушение которой каралось новым заключением.

Ссылные семьи жили в гораздо более приличных условиях, чем их мужья, отцы и братья в трудовых лагерях. Несмотря на это многие женщины умирали от болезней и изнурительного труда, причинами чего являлись непривычная обстановка, тяжелый климат, борьба за получение минимума продуктов питания, одежды и других предметов первой необходимости для них, их детей и престарелых родителей. Смертность среди последних была особенно велика. Отцы семей, заключенные под стражу, а также их сыновья призывного возраста не имели права служить в армии. Все попытки получить такое разрешение были тщетны.

Осенью 1941г. большая партия евреев - беженцев из Эстонии была направлена в лагеря, где находились также нееврейские беженцы из Эстонии, Ленинграда и других мест. Некоторые еврейские беженцы из западных районов Советского

Союза пытались попасть в республики Средней Азии, надеясь, что через южные границы СССР они смогут отправиться в Эрец Исраэль. Но ни один из них не смог благополучно пересечь границу. Некоторые из них были схвачены и расстреляны, другие пропали без вести. Один эстонский еврей, который вместе со своими престарелыми родителями попал в колхоз в Чувашии, так объяснял причины, по которым евреи стремились в Среднюю Азию:

«Нас приняли неплохо. Сказали, что все, кто хочет работать, может это делать и обеспечивать себе проживание. Они давали нам пищу. Я начал работать. Родители не работали, т.к. им не позволял возраст - отцу в то время было 63, маме - 55. У отца был брат в Башкирии, которому он много лет отправлял посылки и переписывался. И вот отец получил от брата приглашение переехать к нему в Башкирию, при этом брат предупредил, что ситуация ухудшается день ото дня, работу и жилье найти все труднее, и т.д. Отец решил, что мы пока останемся в колхозе, а он сам съездит и оценит обстановку на месте... В это время распространились слухи, что немцы продвигаются очень быстро. Мы слышали, что в Средней Азии евреи живут сравнительно неплохо и что оттуда есть возможность перебраться через Персию в Эрец Исраэль... У нас не было зимней одежды; мы ничего с собой не взяли, т.к. думали, что вернемся через пару месяцев... И мы поехали... Много раз приходилось менять поезда... Мы ехали без билетов: просто давали сто рублей и нас сажали в поезд. Ехали мы через Уральские горы, Новосибирск, Барнаул, а затем на юг... Мы попали в Джалалабадский район, в колхоз Ашкар Кизел. Там было безумно трудно, мы оказались практически полностью отрезанными от остального мира.. Работали мы на сборе хлопка; серпы, которыми мы работали, все время тупились, а точить их приходилось просто камнем, поднятым с земли... Нормой выработки был один ряд длиной пять километров. Это превосходило наши возможности. В день нам давали два кусочка плоского хлеба - «лепешки» - один мне, один моей матери».

Затем сын получил призывную повестку и мать осталась одна. Она потом уехала в Башкирию к мужу, который там остался у брата. Сначала он работал рабочим на производстве, а затем устроился в аптеку. К этому времени оба его сына служили в армии в Эстонском национальном корпусе. В качестве родителей военнослужащих отец и мать получали специальное пособие, продукты и ряд привилегий. Как и многие другие, они имели маленький садик и таким образом обеспечивали себя.

Таким же образом одна тартуская семья портного обосновалась в колхозе в Казахстане. Два младших сына ходили в школу, а старший работал в колхозе. Отец продолжал свое портняжное дело в маленьком районном центре. Сыновья были призваны в армию и всю войну родители переписывались с ними. Переписка шла на идиш, который был их домашним языком в Эстонии, а также в Казахстане.

Несмотря на все препятствия и опасности некоторые эстонские евреи добрались до своих депортированных семей. В некоторых случаях депортированные переписывались со своими родственниками за границей, получали оттуда новости и посылки.

Некоторые семьи и одиночки получали помощь разного вида от эстонского правительства в Челябинске. Среди членов эстонского правительства были несколько евреев, например, др. С. Генс, Л. Эйзенштадт и другие. Эстонская администрация предоставила работу А.Тамаркину, И.Данцигеру и др. Они были

в числе первых, возвратившихся в Эстонию после ее освобождения от нацистов.

3. ВОСЬМОЙ ЭСТОНСКИЙ КОРПУС

18 декабря 1941г. Государственный комитет обороны СССР принял решение организовать эстонскую воинскую часть в Красной Армии. Эта часть должна была быть сформирована на Урале, где сконцентрировалось множество выходцев из Эстонии. 7-ой Эстонский стрелковый батальон был создан около г. Камышлова в Свердловской области. В основном он состоял из бывших военнослужащих 22-го Эстонского корпуса, солдат различных ударных батальонов, сражавшихся ранее на подступах к Ленинграду и в других местах, а также из эстонских граждан, призванных на службу в Красную Армию. Одновременно был создан дополнительный Эстонский 249-ый стрелковый батальон. 25 сентября 1942г. оба эти подразделения слились в 8-ой Эстонский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Л.Перна и комиссара В.Пуста. Командование состояло из эстонцев, родившихся в Советском Союзе, практически все они были ветеранами КПСС. На время своего образования корпус насчитывал 27311 человек. Национальный состав обоих подразделений был примерно следующим: 88.5% эстонцев, 10.2% русских и 1.3% других национальностей.

Первые евреи, вошедшие в состав Эстонской дивизии, были ветеранами ударных батальонов. Эти батальоны были организованы из тех, кто в дни начала войны служил в различных военных подразделениях.

Из скудных официальных данных о численности евреев в Эстонском корпусе мы знаем, что 11 июня 1944г., т.е. в начале кампании за освобождение Эстонии, в его рядах состояло 200 евреев (0.86% от общего числа): в 7-ой Дивизии - 12 офицеров, 17 сержантов, 62 человека других званий, всего - 91 человек; в 249-ой Дивизии - соответственно 11, 9, 46, всего - 66 человек.

К этому следует добавить количество евреев, служивших в командовании корпуса, во вспомогательных войсках и в обслуживании - всего 50 человек. Тот факт, что из общей численности евреев 15% были офицерами в двух эстонских дивизиях (для сравнения: русские составляли 7.25%, а всего процент офицеров составлял 8.1% от общей численности корпуса) объясняется высоким уровнем образования среди евреев. Примерно одна треть или даже половина еврейских офицеров служили военными врачами: полковые врачи подполковник Залманн, подполковник Добрушкес, капитан Рохлин, ветеринарный хирург подполковник Шалем, капитан Кропаткин, капитан Шпунгин, фармацевт капитан Фейнманн и другие. Те же, кто имел лишь небольшой опыт в медицине, назначались младшим медицинским персоналом.

Были даже случаи, когда солдаты без специального медицинского образования служили в медицинских частях, например, сестры Мина и Ривка Фейвельсон, Бен-Цион Цимбалов. Некоторые еврейские офицеры имели специфические обязанности: Раппес был штабным переводчиком в 27-ом полку 27-ой дивизии; лейтенант Каминовский служил комиссаром; капитан Пастернак был квартирмейстером. Строевые солдаты также получали продвижения по службе, в основном те, кто служил в эстонской армии. Например Шмуэль Каплан, бывший член Бейтар, Сионистского ревизионистского движения, в 1938г. В возрасте 19 лет

уже имел звание сержанта. После вступления в Эстонский корпус он получил звание лейтенанта и служил в инженерных частях. За особые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды. Капитан Аба Фейманн командовал артиллерийским отрядом, лейтенант Коппель Свицкий возглавлял отряд инфантерии.

С середины 1943г. и особенно в 1944г. еврейских военнослужащих демобилизовывали из армии по указу Эстонского правительства с целью их подготовки для работы в правительственных органах послевоенной Эстонии. Например, один из солдат получил возможность окончить свое медицинское образование в Москве и позже работал медицинским инспектором в освобожденной Эстонии.

Среди высших чинов Эстонского корпуса евреев не было. Ни один еврей не был награжден высшими наградами СССР - званием Героя Советского Союза, орденом Ленина и т.д. Евреи получали ордена «Красной Звезды», «Красного Знамени», медали «За отвагу», «За солдатскую доблесть». Вот имена тех, кто упоминается в советской прессе и исторических книгах: лейтенант Ш.Каплан, капитан Ицхак Шерман, пулеметчик М.Гольдберг, Хаим и Берл Шоры и другие.

Десятки евреев пали в боях, среди них были те, кто оставался в оккупированной Эстонии и те, кто были высажены с десантом для организации там партизанского движения. Одна из них, Циля Цимбалов, 17-летняя комсомолка, была десантирована с парашютом в район г.Валга в южной Эстонии. Ее схватили эстонские националисты и передали в руки немцев, пытавших и убивших девушку. Ее брат погиб в арьергардных боях в конце 1941г. Известны имена евреев, сражавшихся в партизанских отрядах Эстонии: Шпунгин, Грингут, Блехман, Коган и другие.

Евреи, сражавшиеся в рядах 8-го корпуса, были в основном из Таллинна, Тарту и Нарвы, в основном ровесники, часто одноклассники. Некоторые из них были родственниками. В корпусе служили пятеро представителей семьи Ужванский-Гиницкий из Тарту, трое из них погибли. Еврейские солдаты были разбросаны по всему Корпусу. Один из двух братьев Гиницких писал родителям в сентябре 1941г.: «Я не видел Шимона больше трех лет, т.к. мы служим в разных местах, хотя и недалеко друг от друга. Он служит от меня всего в семи километрах. Я просил командование разрешить мне навестить брата, но они все откладывали и откладывали решение. Когда же наконец разрешение было получено, я не смог его найти. Мне сказали, что именно в этот день в два часа их часть была куда-то передислоцирована. В другой раз, скорее всего это было уже в 1944г., я услышал, что его полк проходит маршем по нашей дороге. Я простоял возле дороги около двух часов. Полк прошел, но брата я не увидел. Он погиб в октябре 1944г.»

Лишь изредка случалось, чтобы члены одной семьи служили вместе. Так было с двумя братьями Пивоваровыми, Аббой и Яковом-Моше, служившими в 921-ом полку 249-ой Дивизии до тех пор, пока один из них не был отправлен на Сааремааский фронт и не погиб там. Свидетельствует его брат:

«По прошествии нескольких месяцев, в течении которых я не получал от него никаких вестей, я обратился к сослуживцу-эстонцу, брат которого тоже служил там, с просьбой узнать что-либо о моем брате. Спустя несколько недель тот написал, что мой брат погиб».

Изоляция и тяжелые жизненные условия усиливали желание еврейских солдат сохранять и укреплять их связи между собой, особенно среди тех, кто был знаком ранее. Когда еврейский юноша из Тарту, состоявший там в Союзе еврейских студентов «Лимувия», впервые попал в 27-ой полк 7-ой Дивизии, он встретил там офицера, который тоже в свое время был членом Студенческого союза. Последний рассказал юноше, что его родители, от которых он не имел вестей с момента начала войны, здравствуют и живут на Кавказе.

Братья Пивоваровы подружились с сержантом Беньямином Друйем из их города. Они встречались, болтали по эстонски и на идиш, в основном на идиш. Люди часто страдали не только от изоляции, но и недостатка в продуктах и обмундировании. «Кусочек хлеба, который мы получали, был сырым и таким маленьким, что глотали мы его сразу, поэтому суп, раздаваемый четверть часа спустя, съедали без хлеба». Они могли поменять свою пайку водки на хлеб. Время от времени все вместе ходили навестить своего бывшего одноклассника офицера Коппеля Свицкого. «В глубине души мы надеялись, что он нам чем-нибудь поможет...».

Еврейские офицеры частенько не могли ничем помочь рядовым, даже своим бывшим знакомым и друзьям. Тем не менее, всех их согревало чувство солидарности. Поэтому всем еврейским солдатам было неприятно, если офицер еврей наказывался за какой-либо проступок. С другой стороны, солдат вдохновляло, что среди офицеров много евреев. «Мы были ужасно рады, когда кто-либо из нас получал повышение в звании и когда мы видели, что кто-то из наших пользуется среди офицеров уважением». Еврейский солдат, прошедший с боями границу Эстонии, писал родителям, что он рад приближению к дому и горд тем, что офицер Шпунгин «был награжден за храбрость, проявленную при боях за Невель, и получил звание майора».

Еврейские военные, особенно офицеры, старались помочь своим семьям, находящимся в глубоком тылу отправляя им деньги и посылки до самого конца войны, когда улучшилась ситуация с обеспечением армии.

За редким исключением еврейские солдаты не подвергались наказаниям со стороны органов безопасности за «прошлые грехи» (социальное происхождение, политические склонности, деятельность, которую можно было бы квалифицировать как антисоветскую и т.д.). Их свидетельства дают возможность расценить их положение в армии как благополучное. Считается, что эстонцы не страдали антисемитизмом. Однако это не относится к тем эстонцам, которые проживали на территории СССР. Они, поддерживаемые советским режимом, были гораздо более антисемитами, чем другие народы.

4. Возвращение в освобожденную Эстонию (1944-1945)

Как только первые части Красной Армии вошли в юго-восточную Эстонию в августе 1944г., члены Центрального Комитета Коммунистической Партии Эстонии и Эстонского правительства, которые до этого находились в неоккупированной части Советского Союза, возвратились в Эстонию в г.Выру. Партийные и правительственные органы получили подкрепление в лице демобилизованных из рядов Корпуса. Реорганизация гражданских и партийных органов продолжалась наряду с оттеснением оккупационных войск к западу.

Несмотря на созыв Центрального Пленума Коммунистической Партии и открытие Третьей сессии Верховного Совета, процесс советизации шел на первых порах медленно и неорганизовано. Главными причинами этого были индифферентность местного населения, граничащая со враждебностью и нехватка партийных активистов и персонала. Поэтому демобилизованных из рядов эстонского корпуса солдат, а также возвратившихся в Эстонию бывших эвакуированных гражданские и партийные власти с удовольствием привлекали к работе.

Среди гражданских лиц и солдат, вернувшихся в Эстонию, были и остатки от тех 3 тыс. евреев, которые спаслись бегством или эвакуировались в Советский тыл летом 1941г. Остальные же погибли в боях, под обстрелами или умерли от голода и других напастей. На этом этапе лишь некоторые из 500 депортированных или членов их семей получили разрешение вернуться в Эстонию.

До самого момента возвращения в Эстонию по пятам отступающих немцев еврейские солдаты не имели реального представления о масштабах Катастрофы. Время от времени до них доходили слухи об активной роли, которую играли эстонцы в уничтожении евреев и в грабежах еврейской собственности, но возможности отомстить у них не было. Если еврейский солдат обнаруживал, что кто-либо из эстонцев убил еврея или выдал нацистам, он должен был заявить об этом властям, которые должны были допросить подозреваемого и найти свидетелей. Один из солдат высказал свое мнение по этому поводу: «Мы абсолютно не были уверены, что такой метод будет результативным, однако у нас, по крайней мере, оставалось ощущение, что делается хотя бы что-нибудь».

Хотя теоретически все эвакуированные получили в 1944г. право вернуться домой, но на деле этот процесс был лимитирован и для того, чтобы вернуться, нужно было иметь специальное разрешение. Даже имея такое разрешение, они вынуждены были пройти карантин и выдержать различные неприятные процедуры.

Житель Таллинна вспоминает: «Когда я прошелся по городу впервые после возвращения, у меня было ужасное чувство, будто я ступаю по трупам». Возвращавшиеся в свои бывшие дома люди занимались поисками принадлежащих им когда-то вещей, пытались снова наладить свои дела и связи, восстановить могилы погибших. В таких общинах, как тартуская, после войны насчитывалась лишь треть, а в лучшем случае половина, от довоенного числа евреев. Разрушена была и тартуская синагога, поэтому миньян вынужден был собираться в частном доме. В финансовом положении возвращавшихся в Эстонию евреев был относительный порядок - власти заняли довольно-таки доброжелательную позицию в этом вопросе. Однако в местах, где проживало мало евреев, их не покидало ощущение изоляции и одиночества. Демобилизованный солдат вспоминал: «Когда по возвращении в Тарту мы собрались вместе и стали выяснять, кто же погиб, а кто выжил, волосы у нас встали дыбом - из большой кампании остались лишь три-четыре человека».

Евреи, вернувшиеся в Эстонию, старались поселиться в Таллинне, особенно в конце 40-ых годов, когда волна возвращенцев была особенно велика. Однако можно сказать, что абсолютное большинство проживающих сегодня на территории Эстонии евреев являются выходцами из разных частей Советского Союза. Вначале 50-х в Эстонии проживало всего около тысячи евреев из тех, кто жил там и до войны. В эти годы многие из них подвергались репрессиям за довоенные «нарушения»; бывали

даже случаи, когда евреи, высланные в 1941г. из Эстонии, были повторно депортированы. Однако были среди евреев и такие, которые назначались на ответственные посты в администрации и даже в органах безопасности (Идель Якобсон, М.Шор, Л. Эйзенштадт, Шмоткин, Маркович и т.д.). До 60-ых годов не было случая, чтобы кто-то из тех, кто был изгнан, депортирован или заключен в тюрьму, был бы реабилитирован и получил бы обратно все гражданские права. Некоторым удалось получить разрешение на отъезд в Израиль.

Последний факт лишь подчеркивает парадоксальность депортации еврейского населения советскими властями. Мероприятие, которое в то время считалось бедствием, превратилось в конце концов в свою противоположность и помогло многим спастись.

Из Эстонии перед немецкой оккупацией было эвакуировано 50% евреев - эта самая высокая цифра во всей Восточной Европе (для сравнения: из Литвы было эвакуировано 6% еврейского населения, из Латвии - 15%). Конечно, нельзя забывать, что Литва была захвачена фашистами за 3 дня, а Латвия - за две недели, в то время как бои за Эстонию продолжались почти два месяца, поэтому нельзя не учитывать фактор времени, давший возможность успешно осуществить эвакуацию. Кроме того, процент евреев Эстонии, участвовавших в военных действиях, во много раз превышал их процентный состав в населении республики.

Уникальность судьбы эстонского еврейства заключается не только в количестве спасшихся, но и в том, что являлось мотивом их участия в боях, а также в эффективности их борьбы как в рядах регулярной армии, так и в партизанских формированиях.